

М.Г. Чепорухина**К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ТЕРМИНОВ «ДИСФЕМИЗМ», «СЛЕНГ»,
«ВУЛЬГАРИЗМ» И «ИНВЕКТИВА»**

© Чепорухина Мария Георгиевна – аспирант III года обучения, ассистент кафедры французской филологии, Тюменский государственный университет, 625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.
E-mail: m.g.cheporukhina@utmn.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1711-0786>

АННОТАЦИЯ

Исследования лексики, несущей негативную оценку, начались относительно недавно, поэтому отсутствует полностью разработанная и принятая всеми лингвистами теория о способах ее выражения. Актуальность исследования также связана с повышением уровня негатива в коммуникации последних десятилетий.

В статье дается обзор теоретической литературы о заявленных проблемных терминах, они разграничиваются при помощи дефиниционного и этимологического анализа, дается собственное определение термина «дисфемизм». Также освещается проблема разграничения дисфемизма и эвфемизма, которые традиционно противопоставляются по цели высказывания. Выясняется, что решающую роль при их разграничении играет контекст, ведь одна и та же лексическая единица может в разных ситуациях общения нести как позитивную, так и негативную оценку.

Теоретические положения статьи проиллюстрированы примерами из корпуса комментариев к политическим новостям в интернет-газетах Франции и России. К анализу примеров применяется прагматический подход (учитывается макроконтекст, то есть все особенности ситуации общения), так как именно он оказывается действенным при определении коммуникативной цели высказывания и вычленении оценочных элементов.

В результате проведенного исследования установлено, что дисфемизм – это способ выражения негативной оценки в самом общем смысле, сленг и вульгаризм могут считаться дисфемизмами, если выражают негативную оценку, а инвектива – это дисфемизм, имеющий ярко агрессивный характер. Предлагается схема, наглядно показывающая соотношение проблемных терминов с точки зрения целей их употребления.

Ключевые слова: негативная оценка, дисфемизм, эвфемизм, эвфемистический дисфемизм, контекстуальный дисфемизм, сленг, арго, вульгаризм, инвектива.

Цитирование. Чепорухина М.Г. К разграничению терминов «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-116-126>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

M.G. Cheporukhina

ON THE DISTINCTION BETWEEN THE TERMS «DYSPHEMISM»,
«SLANG», «VULGARISM» AND «INVECTIVE»

© Cheporukhina Maria Georgievna – 3-year postgraduate student, assistant lecturer of the Department of French Philology, University of Tyumen, 6, Volodarskogo Street, Tyumen, 625003, Russian Federation.
E-mail: m.g.cheporukhina@utmn.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1711-0786>

ABSTRACT

Linguists showed their interest in studying lexemes with negative meaning not so long ago, so there is no developed and unanimously accepted theory on means of negative assessment. Topicality of this study is also connected to the fact that communication over the last decades is marked with the growth of negative information.

The article provides an overview of theoretical literature on the stated problem terms. Applying definitional and etymological analysis, we distinguish the terms «dysphemism», «slang», «vulgarism» and «invective» which are considered to be synonymous or are not fully defined in some studies. The article also highlights the problem of distinction between dysphemism and euphemism, which are traditionally contrasted in terms of utterance. We underline that the context plays the crucial role in their distinction since the same lexical unit can carry both positive and negative connotations in different communication situations.

The theoretical statements of the article are illustrated with examples from the corpus of comments on political news in the Internet newspapers of France and Russia. The pragmatic approach is applied to the analysis of examples (the macro context is taken into account), since it proves to be effective in determining the communicative purpose of utterance and analyzing the evaluative elements.

Our study has shown that dysphemism is a means of negative evaluation in general. Slang and vulgarism can have dysphemistic meaning, while invective is a type of dysphemism with the main idea of expressing aggression.

Key words: negative assessment, dysphemism, euphemism, euphemistic dysphemism, contextual dysphemism, slang, argot, vulgarism, invective.

Citation. Cheporukhina M.G. *K razgranicheniyu terminov «disfemizm», «sleng», «vul'garizm» i «invektiv»* [On the distinction between the terms «dysphemism», «slang», «vulgarism» and «invective»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-116-126> [in Russian].

Введение. Постановка проблемы

По наблюдениям социологов и лингвистов, начало XXI в. характеризуется повышенным уровнем негатива в вербальной коммуникации [Кваскова 2016; Резанова 2008], что связано с поляризацией общества, конфликтами интересов власти и народа, столкновениями между разными этническими и социальными группами. Анализируя высказывания людей о политике, можно составить представление о том, какой образ имеют политические персоны и их действия в сознании общества.

Статья посвящена языковым приемам выражения негативной оценки с помощью дисфемизмов. Явление дисфемии изучено менее подробно, чем явление эвфемии (которое считается противоположным ему по целям употребления). Возможно, это связано с тем, что некоторые элементы языка, относящиеся к дисфемизмам, не привлекали должного внимания лингвистов вплоть до середины XIX в., обценную лексику было даже не принято изучать.

В статье предпринимается попытка четко разграничить термины «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива», которые, как было обнаружено при анализе литературы по теме исследования, часто не дифференцируются, особенно в российской лингвистике. Мы считаем это необходимым, так как любой термин должен стремиться к однозначности.

Методы исследования

В статье использованы общенаучные методы анализа и синтеза при разложении проблемы на составляющие части, этимологический и дефиниционный анализ при определении значения терминов. Были применены элементы прагматического анализа при работе с комментариями к статьям на тему внутренней политики с сайтов интернет-версий российских и французских газет. Также нами были использованы некоторые примеры дисфемизмов, приведенные авторами изученных работ, так как они необходимы для понимания положений их теорий.

Обращаем внимание, что комментарии, взятые нами с сайта Lenta.ru, являющиеся богатым иллюстративным материалом, удаляются модераторами спустя сутки после публикации новостной статьи, согласно правилам портала.

Определение термина «дисфемизм»

Дисфемизмы не получили такого широкого освещения в российской лингвистической литературе, как эвфемизмы. Не было найдено ни одной работы на русском языке, в которой бы изучались дисфемизмы во французском языке.

Дисфемизм часто толкуется как противоположность эвфемизму и определяется через него [Бойко 2003; Бушуева 2005; Гальперин 1958; Кацев 1991; Киселева 2015; Шейгал 2000]. Также нет четкого, принятого всеми исследователями разграничения дисфемизмов и смежных единиц языка – вульгаризмов, сленга, инвектив.

В отечественной лингвистике, по-видимому, первое описание дисфемизма дается в монографии И.Р. Гальперина по стилистике английского языка: дисфемизмы, или какофенизмы – это стилистическое средство, функция которого «обратна той, которую выполняют эвфемизмы. Они выражают понятие в более резкой и грубой форме, – обычно нелитературной форме, – по сравнению с тем словом, которое закреплено за данным понятием» [Гальперин 1958, с. 166].

Т.В. Бойко понимает под дисфемизмом «более грубую по сравнению с исходной номинацией лексическую единицу, которой говорящий отдает предпочтение для того, чтобы выразить свое негативное отношение и пейоративно воздействовать на реципиента» [Бойко 2005, с. 21].

Также Т.В. Бойко считает необходимым разграничить понятия «дисфемизм», «сленг» и «вульгаризм», утверждая, что «сленгизмы и вульгаризмы употребляются с целью эксплицитно выразить раздражение, негативную оценку и отношение» [Бойко 2005, с. 29], тем самым сближая понятия «дисфемизм», «вульгаризм» и «сленг».

Ряд лингвистов, исследующих дисфемизм с прагматической точки зрения, сходятся во мнении, что он работает на ухудшение денотата. Реальные свойства денотата при этом не меняются, а лишь предстают в более негативном свете [Бушуева 2005; Кацев 1991; Кваскова 2016; Резанова 2008; Шейгал 2000].

По мнению Т.С. Бушуевой, дисфемизмы представлены единицами сниженного регистра: традиционно табуированной лексикой (вульгаризмами) и сниженной пейоративно-оценочной лексикой (сленгизмами) [Бушуева 2005, с. 13–14].

В некоторых отечественных работах дисфемизм рассматривается как единица социально маркированная [Нелюбин 2003], грубая, фамильярная, вульгарная [Киселева 2015], стилистически маркированная, сниженная, неприличная, не тактичная, резкая, вульгарная, фамильярная [Шилова 2014].

Е.И. Шейгал понимает под дисфемизмом «инвективу, основанную на гиперболизации отрицательного признака или замене положительного оценочного знака на отрицательный» [Шейгал 2000, с. 235–236].

Мы не можем согласиться с авторами заявленных выше определений в том, что:

1) все сленгизмы и вульгаризмы выражают негативную оценку;

2) все дисфемизмы относятся к сниженному регистру речи / стилистически маркированы. Выражение негативной оценки может происходить не только при общении в низком регистре. При таком ограничительном подходе без наименования остаются средства выражения негативной оценки, используемые в нейтральном или высоком регистрах;

3) дисфемизм – грубая, фамильярная, сниженная, вульгарная единица;

4) понятие «инвектива» шире по объему, чем понятие «дисфемизм».

В последних работах по дисфемии наметилась тенденция к причислению к разряду дисфемизмов не только грубой и вульгарной, но и нейтральной лексики, употребляемой в конкретной речевой ситуации для реализации поставленных коммуникативных задач [Резанова 2008], а также порой и мелиоративной лексики [Гаева, Никитина 2017]. И.Г. Катенева назвала эти единицы «контекстуальными дисфемизмами, образующимися за счет идеологизации нейтральных слов» [Катенева 2013, с. 270], а К. Аллан и К. Берридж – «эвфемистическими дисфемизмами» (*euphemistic dysphemisms*). Они имеют дисфемистическую иллюзию, но эвфемистическую локуцию. Наряду с ними существуют «дисфемистические эвфемизмы» [Allan, Burrige 2006, p. 32].

Подобные примеры мы находим в изученных комментариях. Например, к статье о депутате партии «Непокоренная Франция» Алексисе Корбье, опубликовавшем в «Твиттере» фотографию толпы людей, сделанную якобы во время антиправительственной манифестации (на самом деле это фотография с чемпионата мира по футболу):

– C'est le nombre fourni par un organisme indépendant qui a réalisé le comptage. L'extrême-gauche a toujours été très «*généreuse*» avec les chiffres !¹

Слово *généreuse* ('щедрый') употреблено в переносном значении (что подчеркивается кавычками), приобретает оттенок иронии и выражает негативную оценку комментатором действий политика и партии в целом, несмотря на позитивные коннотации этого слова вне контекста.

Или комментарий к статье о том, что Президент России призывает улучшить положение работни-

¹ Le Figaro, Le Scan Politique. URL: http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2018/05/06/25001-20180506ARTFIG00068-la-fete-a-macron-corbier-publie-par-erreur-une-photo-datant-du-mondial-98.php?utm_campaign=Echobox&utm_medium=Social&utm_source=Facebook#link_time=1525606833 (дата обращения: 30.05.2019).

ков сферы информационных технологий и увеличить финансирование исследований в сфере общественного интеллекта:

– Именно поэтому наш *выдающийся* лидер решил создать суверенный Интернет².

Прилагательное *выдающийся* здесь также выражает иронию, особенно в одном предложении с напоминанием о законопроекте об изоляции российского Интернета, противоречащем призыву Президента.

Таким образом, слова *génèreuse* и *выдающийся* являются контекстуальными дисфемизмами или эвфемистическими дисфемизмами. Мы считаем возможным применять термин, введенный И. Г. Катеновой, также для наименования положительно заряженных вне контекста единиц, приобретающих, однако, негативные коннотации в контексте.

Кроме того, в последних исследованиях были изучены степени дисфемизации: «от издевки, уничижительного намека, сарказма до прямого ругательства с использованием ненормативной лексики» [Кваскова 2016, с. 354]. Контекстуальные дисфемизмы, использующие мелиоративную лексику, как раз обладают низкой степенью дисфемизации и несут в себе иронию или сарказм. Для определения дисфемистического значения таких единиц необходим анализ всего лексического окружения.

Фундаментальным является труд К. Аллана и К. Берридж *Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon* (1991) и последующие работы авторов. Они предлагают различные подходы к анализу не только дисфемизма, но и эвфемизма. С точки зрения семантики дисфемизм – это языковое средство выражения оскорбления, агрессии или способ «выпустить пар» [Allan, Burrige 1991, p. 3]; выражение, имеющее оскорбительные коннотации [Allan, Burrige 1991, p. 26]. Авторы предлагают изучать дисфемизм (как и эвфемизм) в одном контексте с понятием «сохранение лица», которое играет важную роль в любой коммуникации. Общение – одно из самых привычных действий человека, и его успех зависит от соблюдения коммуникантами определенных правил, установленных обществом. Эти правила регулируют их действия, выбор языковых средств и интерпретацию ими действий собеседника. В лингвистике эти правила известны как постулаты речевого общения, сформулированные П. Грайсом в 1975 г. [Allan, Burrige 1991, p. 3, 5–6].

Авторы также ссылаются на сочинение И. Гофмана «Работа лица» (*Face Work*), где подчеркивается следующее: «...начиная говорить, мы должны думать о том, чтобы сохранить и поддержать свое “лицо”, то есть благоприятное впечатление о нас у окружающих» (Гофман 1955, цит. по [Allan, Burrige 1991, p. 5]). В идеале мы также задумываемся о сохранении «лица» другим человеком. Люди, обладающие умением сохранить свое лицо и не

поставить под удар репутацию собеседника, считаются знатоками правил жизни в обществе. Разумеется, в разных культурах действуют разные нормы коммуникации, даже внутри одной культуры разные люди используют разные стратегии сохранения лица [Allan, Burrige 1991, p. 3, 5–6].

Обращаясь к рассмотрению дисфемизма с точки зрения прагматики, авторы отмечают, что любое нарушение постулатов речевого общения является дисфемистичным. Например, по мнению авторов, дисфемистична фраза, нарушающая постулат количества: *My neighbor, who is a woman, is pregnant* («Моя соседка, которая является женщиной, беременна»: излишнее придаточное предложение) [Allan, Burrige 1991, p. 3, 5].

При таком понимании дисфемизма на первый план при анализе выходит не его лингвистическая составляющая, не семантика (наличие пейоративных компонентов значения), а тот эффект, который высказывание оказывает на собеседника. Говорить излишнюю или нерелевантную информацию, говорить неправду или выражать свои мысли двусмысленно, не заботиться о сохранении лица своего собеседника – это значит проявлять к нему неуважение, унижать его, что и является целью дисфемизации.

Дисфемизм (как и эвфемизм) активно изучается испанскими лингвистами. М. Касас Гомез, применяющий когнитивный и прагматический подходы к исследованию дисфемизмов, утверждает, что правильно говорить не о дисфемизмах, а о дисфемистических употреблении, подчеркивая, что дисфемистический аспект языкового знака зависит от множества обстоятельств (время, место, предмет разговора, национальность, социальный класс, пол, статут говорящих) [Casas Gómez, с. 731].

Понятия «дисфемизм», «сленг» и «вульгаризм»

Сленг (как и вся субстандартная лексика), безусловно, принадлежит к одному из спорных разделов лексики, и до сих пор не существует точного и принятого всеми лингвистами определения этого понятия, причем расхождения в его толковании свойственны и зарубежной, и отечественной лингвистике [Егошина 2013, с. 6; Пономарева, Шабалина 2013, с. 62].

В задачи нашего исследования не входит подробное изучение субстандартной лексики, поэтому ограничимся ее сопоставлением с дисфемизмами.

Существующие определения понятия «сленг» можно условно разделить на две группы в зависимости от того, выделяет ли автор наличие у сленга функции выражения негативной оценки, которая, бесспорно, присуща дисфемизму.

Рядом лингвистов признается выражение сленгом именно пейоративной оценки, пренебрежения, издевательского отношения, иронии [Амосова 1951; Арнольд 1986; Синицына 2013]. Отметим, что подобное понимание сленга как средства выражения негативного отношения характерно

² Лента: Россия: Политика. URL: https://lenta.ru/news/2019/05/30/sfera_it (дата обращения: 30.05.2019).

именно для российских исследований этого языкового явления.

Авторы, определяющие сленг более широко, относят его к экспрессивно-оценочной лексике [Егошина 2013; Хомяков 1980; Швейцер 1983; Green 1998; Partridge 1933], которая, соответственно, может выражать не только негативную оценку, но и положительную, например одобрение, восхищение. Подобные примеры сленгизмов с положительной коннотацией мы находим у А.Д. Швейцера, который ссылается в своем исследовании на статьи из словарей американского и британского сленга, например: «прилагательное *cool* вытеснило *hot* в качестве сленгизма с положительной коннотацией» [Швейцер 1983, с. 173].

Среди прочих особенностей сленга отметим его принадлежность к разговорной лексике [Гальперин 1958; Егошина 2013; Partridge 1933], противопоставленность литературному (стандартному) языку [Greenough, Kittredge 1961; Хомяков 1980; Швейцер 1983].

Нам представляется удачным определение сленга, данное Э. Партриджем. Автор рассматривает сленг как преднамеренное употребление единиц общелитературного словаря в разговорной речи в стилистических целях: для создания эффекта новизны, необычности, чтобы отличаться от признанных образцов, для передачи особого настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности, живости, выразительности, точности, краткости, образности, а также чтобы избежать штампов, клише» [Partridge 1933, р. 1–10]. Данное определение наиболее полно, по нашему мнению, отражает специфику сленга как пласта разговорной лексики, обладающего оценочностью и экспрессивностью.

Таким образом, главные отличия сленга и дисфемизма заключаются в их функции и сфере использования. Использование сленга характерно для разговорного языка (отметим, что сленгизмы могут проникать и в литературный язык), в то время как дисфемизм не имеет ограничений по сфере использования. Сленг несет оценку в общем смысле, используется «с целью демонстрации грубовато-фамильярного, иногда юмористического отношения к предмету речи» [Мосиевич 2009, с. 359], а дисфемизм обязательно имеет пейоративные коннотации. Сленг эксплуатирует и переосмысливает единицы нормативного языка и «далек от вульгарных коннотаций» [Ломтева 2005, с. 25], что отличает его от вульгаризмов.

Поскольку материалом нашего исследования служат примеры дисфемизмов на русском и французском языках, необходимо отметить, что во французском языке вместо термина «сленг» употребляется термин «арго» [Маковский 2005; Partridge 1933]. К тем же выводам мы пришли, изучив работы, посвященные французскому арго. Общее арго (*argot commun / jargon*) – это слова разговорные, изменчивые, насыщенные эмоциями,

с элементами языковой игры [François-Geiger 1991; Sourdou 1991].

В российской лингвистике используются оба термина. Например, в комментарии к статье о том, что на должность губернатора Санкт-Петербурга претендует человек, родившийся не в России:

– Русских не хватает. Они *бухают*³.

Использовано арго, которое, по данным словарей, происходит от нейтрального слова (этимология затруднена: слово происходит или от фамилии некоего Бухарина, именем которого назывался завод, где производили граненые стаканы; или от *бухарка* – «рюмка», заимствованного через украинский из польского).

Для разграничения понятий «дисфемизм» и «вульгаризм» (*obscene words / gros mots*) рассмотрим определения последнего. Нами было замечено, что термин «вульгаризм» не так часто получает толкование в трудах лингвистов, а лишь перечисляется в одном ряду с названиями остальных разновидностей субстандартной лексики. Объяснение этому скрывается в том, что примерно до середины XIX в. лексический субстандарт не воспринимался лингвистами как пласт языка, имеющий, подобно литературному языку, свою структуру и иерархию элементов. К тому же не все элементы этого подязыка было допустимо описывать [Коровушкин 2005, с. 186].

Х. Касарес достаточно широко раскрывает понятие «вульгаризм», относя к нему и народные слова и выражения, и деревенские слова, и невежливые слова, и, наконец, слова грубые и непристойные, «которые из-за своего непристойного или сквернословного характера лежат на границе лексики, включаемой в словарь, и такой, которая ради соблюдения приличий должна остаться за его пределами» [Касарес 1958, с. 28].

Дж.Б. Гриноу и Дж.Л. Киттрэджд понимают под вульгаризмами «сленгизмы, для которых характерны аллюзии к тем вещам, которые не считаются в данный момент общепринятыми и приличными» [Greenough, Kittredge 1961, р. 72]. Авторы относят к вульгаризмам богохульства, проклятия, ругательства, прямые наименования некоторых частей тела.

Из определений становится очевидной путаница в терминах, использующихся для обозначения элементов субстандартной подсистемы языка, что весьма затрудняет проведение границы между различными явлениями.

В.П. Коровушкин также выделяет «эмотивно-дисфемистическую с подавляющим преобладанием коннотации над денотацией» функцию вульгаризмов [Коровушкин 2005, с. 226].

Ф. Переа изучает психологический аспект вульгаризмов и делает заключение, что эти языковые единицы, лежащие за пределами «правильного / хорошего языка» (*la bonne langue / le bien-parler*), имеют катартическую функцию, а в определенных

³ Коммерсант: Страна: Политика. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3981884> (дата обращения: 25.05.2019).

коллективах служат символом близости и единства людей [Perea 2011].

Оригинальный способ различения дисфемизма и вульгаризма предлагает Л. Мосиевич. По ее мнению, решающим критерием разграничения понятий является реакция адресата речи: например, беременная женщина, услышав в свой адрес слово «брюхатая», как и свидетели этой ситуации, почувствуют явный дискомфорт – значит, слово «брюхатая» является вульгаризмом. Если же вместо него сказать «с животом», неприятным это обращение будет только для беременной женщины, но не для всех остальных – значит, перед нами дисфемизм [Мосиевич 2009, с. 359]. Данный критерий основан на субъективном восприятии речи и совпадает с современной ориентацией лингвистики на человека и его реакции в процессе коммуникации. Однако то, что считается оскорбительным для одного, может быть приемлемым для другого, соответственно, данный критерий требует проверки в каждом отдельном речевом акте с учетом всех элементов коммуникативной ситуации.

Т.А. Ломтева рассматривает случаи стилистического транспонирования, при котором вульгаризм употребляется для выражения положительной оценки или эмоций. Автор приводит пример из произведения С. Кинга, где «мышонка, любимца охранников и заключенных тюремного блока смертников» называют *turd* (дерьмо), чтобы подчеркнуть свое восхищение его чистоплотностью [Ломтева 2005, с. 101–102]. Данное слово, как мы считаем, не выступает в роли дисфемизма, так как не выражает негативного отношения к ситуации, но является вульгаризмом.

Также применение данного субъективного критерия разграничения вульгаризма и дисфемизма может быть осложнено, если мы имеем дело с коммуникацией в письменной форме, когда реакция адресата неизвестна либо когда адресат коллективный. Рассмотрим комментарий о бывшем министре юстиции Франции, который, по словам пользователей, комментирующих новостную статью, был вызван на совещание в Елисейский дворец:

– *La pute toujours au rendez-vous...*⁴

Сложно предсказать, какова будет реакция Ф. Байру на данные слова (по данным словарей, *pute* ‘шлюха’ – вульгаризм), а также маловероятно, что он когда-либо вообще увидит этот комментарий. Соответственно, в рамках нашего исследования не всегда можно говорить о субъективных реакциях, мы можем лишь делать предположения, тем более что коммуникативная ситуация не предполагает диалога между политиком и пользователем Интернета. Мы считаем, что данный критерий больше подходит для анализа устного общения, когда все реакции собеседников более или менее прозрачны.

⁴ LeFigaro: Le Scan Politique. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2018/10/02/25002-20181002ARTFIG00218-philippe-sur-collomb-je-vais-proposer-au-president-les-decisions-qui-s-imposent.php> (дата обращения: 02.10.2018).

Поэтому, учитывая специфику материала нашего исследования, мы будем брать данные о том, является ли анализируемая единица вульгаризмом, из словарей, а также руководствоваться собственными представлениями о языковых нормах. Чтобы разграничить дисфемизм и вульгаризм, мы устанавливаем, что вульгаризму свойственна ярко выраженная стилистическая сниженность, грубость, вульгарность, в то время как дисфемизм не всегда обладает этой чертой. Также вульгаризмы не всегда выражают негативную оценку.

Понятия «дисфемизм» и «инвектива»

Особенно сложным представляется разграничение дисфемизма и инвективы, которую Е.И. Шейгал считает гиперонимом по отношению к дисфемизму.

При знакомстве с работами отечественных лингвистов было замечено, что слова «инвектива», «бранная лексика», «сквернословие» употребляются недифференцированно, как синонимы, а термин «инвектива» получает очень широкое толкование. Термин сближается с понятием «дисфемизм», особенно при рассмотрении примеров лексем, которые авторы относят к инвективе. В зарубежной лингвистике приняты термины *investive / insult* (в английском языке) и *investive / insulte / injure* (во французском языке).

Г.В. Дмитриенко определяет инвективу как «определенный культурно обусловленный и национально-специфичный векторно-направленный континуум вербальной агрессии по отношению к участнику коммуникации, к ситуации, предмету и процессу социально-речевого общения. Инвективная формула подразумевает моделирование ситуации нарушения культурных требований со стороны инвектума или же выхода его индивидуального поступка за границы очерчиваемой конкретно-национальной культурной поведенческой нормы, независимо от степени реальности и в целом реалистичности обвинения. Вербализация инвективной формулы осуществляется иногда посредством литературной лексики, однако чаще всего посредством просторечной лексики и фразеологии, характеризующейся стилистической маркированностью, предельной сниженностью и обладающей вульгарной коннотацией, реализующей интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить адресата своей речи или же выразить собственные эмоции по отношению к ситуации» [Дмитриенко 2007, с. 14–15].

Приведенное толкование близко толкованию термина «вульгаризм», за исключением того, что вульгаризм необязательно выполняет функцию унижения и оскорбления адресата речи, он лишь несет эмоциональный компонент. Соответственно, инвектива в отдельных случаях выражается через вульгаризмы. Весьма неопределенными представляются слова о том, что инвектива помогает говорящему выразить свои эмоции, так как спектр эмоций очень велик и неясно, о каких именно идет речь в определении.

Г.В. Дмитриенко рассматривает инвективу эксплетивную (не направлена на человека, соотносится с ругательством) и агрессивную (реализация вербальной агрессии по отношению к адресату речи) [Дмитриенко 2007, с. 17–22]. Однако при рассмотрении классификации агрессивных инвектив становится очевидным, что не все приведенные автором примеры подходят под это определение. Г.В. Дмитриенко выделяет следующие разряды агрессивной инвективы:

1) собственно оскорбления (направлены на ухудшение межличностных отношений между собеседниками);

2) ксенофобские прозвища, клички и оскорбления неполноценности человека (их исследования актуальны в современном мире в связи с обострением социальных и межнациональных конфликтов): *Nigger, Paki, Kiwi*;

3) зоосемантические метафоры: *ape, dirty dog* [Дмитриенко 2007, с. 23–24].

Ксенофобские прозвища и зоосемантические метафоры встречаются и среди дисфемизмов, например в классификации К. Аллана и К. Берридж. Причем авторы классификаций приводят в качестве примеров одни и те же слова: у К. Аллана и К. Берридж мы также находим пример *ape* и множество подобных зооморфных метафор [Allan, Burridge 2006].

Наиболее авторитетным российским трудом об инвективе, на который ссылается большинство работ схожей тематики, является монография В.И. Жельвиса «Поле брани». Несомненным достоинством работы является то, что автор принимает во внимание этнокультурный компонент и уточняет, носители какого именно языка или культуры расценивают то или иное выражение как резкое или табуированное. Приведем один из примеров: в большинстве культур слово *гусыня* по отношению к женщине воспринимается как *дура*, а в Египте – это ласковое обращение к любимой женщине [Жельвис 2001, с. 258].

В.И. Жельвис дает следующее определение инвективы: в широком смысле инвектива – «такой способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный» [Жельвис 2001, с. 13], это «агрессия активная, прямая, словесная, которую можно рассматривать как трансформацию поступка. Слово – это тоже дело» [Жельвис 2001, с. 150]. В более узком смысле – это «вербальное нарушение этического табу, осуществленное неcodифицированными средствами...» [Жельвис 2001, с. 13]. Важно понимать, что неcodифицированность определяется строго в рамках рассматриваемой культуры и ситуации общения. Так, среди приведенных автором примеров есть нейтральные единицы *пес, собака*, которые в мусульманских странах являются сильным оскорблением, но в нашей стране не будут иметь такой пейоративной нагрузки [Жельвис 2001, с. 170].

Что касается инвективы, выводы российских и зарубежных лингвистов похожи. Зарубежные

авторы тоже выделяют ярко выраженную направленность инвективы, видя в ней «поступок», «действие», «путь, вектор агрессии» [Larochelle 2007, р. 9], «форму вербальной агрессии», которую интересно исследовать с точки зрения категорий правды и лжи [Lagorgette 2012, р. 3–4]. Отмечается важная роль экстралингвистических факторов: инвективу нельзя исследовать только с точки зрения семантики, необходим прагматический анализ материала исследования [Fisher 1995; Lagorgette 2002].

Например, Ж.-К. Шмитт, исследователь средневекового искусства, видит в инвективе не только вербальную агрессию, но и целый ритуал, который сопровождается характерной жестикულიцией, имеющей символическое значение [Schmitt 1995, с. 13]. Однако такой подход, как замечает сам автор, усложняет анализ инвективы в письменных источниках. Если в художественной литературе имеется не только прямая речь персонажей, но и описание их действий, то в нашем исследовании невозможно проанализировать невербальное поведение пользователей, оставляющих комментарии.

Однако нельзя сблизать дисфемию с инвективной (формой вербальной агрессии), так как выражение негативной оценки (дисфемизация) необязательно сопровождается агрессивным состоянием адресанта, может не преследовать цели установить с ним контакт или причинить ему вред.

Различие понятий «дисфемизм» и «инвектива» кроется также в этимологии терминов. По данным словарей, слово «дисфемизм» образуется путем прибавления греч. приставки *δυσ-*, означающей «отрицание, затруднение, отсутствие»⁵, к греч. корню *φῆμι* со значением «молва, речь»⁶. Таким образом, исходя из происхождения слова, его можно толковать достаточно широко – как «отрицательная молва».

Что касается слова «инвектива», оно происходит от лат. *invectiva (oratio)*, в свою очередь, происходящего от лат. *invehor* – «бросаюсь, нападаю»⁷, то есть целью использования инвективы является оскорбление, выражение агрессии, выпад против адресата речи.

Исходя из этимологии терминов, нам представляется более логичным рассматривать инвективу как вид дисфемизма (например, Л. Мосиевич также относит некоторые инвективы в разряд дисфемизмов [Мосиевич 2009, с. 259]), так как не все дисфемизмы носят выраженный агрессивный характер.

В нашем исследовании в разряд инвектив могли бы попасть только те агрессивные высказыва-

⁵ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/75371/%D0%94%D0%98%D0%A1>.

⁶ URL: http://pervobraz.ru/slova/article_post/bayat.

⁷ URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0>.

ния, которые имеют адресатом политика. Но таких примеров не нашлось. Мы связываем это с ограничениями цензуры, которые действуют на новостных порталах (подтверждение этому – удаление модераторами комментариев), а также с существующим законодательством^{8,9}. Однако находится достаточное количество косвенных (написанных в третьем лице) агрессивных выпадов в адрес политиков. Такие лексические единицы мы предлагаем назвать термином «косвенная инвектива». Например, следующие комментарии к статье «Президент поручил решить вопрос обманутых дольщиков» содержат косвенную инвективу. Об агрессивном настрое комментаторов можно судить не только по выбору лексики, но и по экспрессивности синтаксису:

– *плешивая тварь* за выборы беспокоится! *путью вора на нары!*¹⁰ (интересно то, что этот комментарий был впоследствии удален модератором);

– *Последний срок в Кремле! Потом этого вора надо на нары определять!* *Навального в президент России в 2024 г.!*¹¹

Мы считаем, что при анализе инвективы не всегда можно установить, по каким причинам человек выбрал то или иное слово для выражения своей агрессии. Инвектива не всегда мотивирована и прозрачна, что логично, ведь она транслирует одну из слабо контролируемых эмоций человека.

Заключение

Исходя из установленных нами различий дисфемизма, сленга, вульгаризма и инвективы, выведем собственное определение дисфемизма. Дисфемизм – это выражение негативного отношения к коммуникативной ситуации или ее участникам, которое может осуществляться посредством как литературного, так и нелитературного языка и присуще любому регистру речи.

⁸ Статья 15.1-1. Порядок ограничения доступа к информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/079aac275ffc6cea954b19c5b177a547b94f3c48 (дата обращения: 04.06.2019).

⁹ Loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse - Article 29. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexteArticle.do;jsessionid=ECEB90A16538F0A1E7A1BD9574383967.tplgfr42s_1?idArticle=LEGIARTI000006419790&cidTexte=JORFTEXT000000877119&categorieLien=id&dateTexte= (дата обращения: 04.06.2019).

¹⁰ Лента: Россия: Политика. URL: <https://lenta.ru/comments/news/2019/06/04/dolshik>.

¹¹ Loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse - Article 29. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexteArticle.do;jsessionid=ECEB90A16538F0A1E7A1BD9574383967.tplgfr42s_1?idArticle=LEGIARTI000006419790&cidTexte=JORFTEXT000000877119&categorieLien=id&dateTexte= (дата обращения: 04.06.2019).

Наглядно представить соотношение дисфемизма, сленга, вульгаризма и инвективы с точки зрения цели их использования говорящим можно с помощью схемы (см. рис.).



Рис. Соотношение терминов «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива»

Fig. Correlation of terms «dysphemism», «slang», «vulgarism» and «invective»

К разряду дисфемизмов могут быть отнесены некоторые сленгизмы и вульгаризмы (при условии, что они выражают негативное отношение) и все инвективы. Также дисфемизмами могут становиться нейтральные единицы. Сленг характеризуется в первую очередь высокой экспрессивностью и стремлением говорящего выйти за пределы языковых штампов. Вульгаризм всегда обладает непристойной экспрессивностью. А инвектива – дисфемизм, основная функция которого – выразить агрессию и атаковать собеседника.

При анализе этих единиц важную роль имеют контекст и экстралингвистические факторы ситуации общения.

Источники фактического материала

Коммерсантъ: сетевое издание [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/?from=logo>

Лента.ру: интернет-газета [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/>

LeFigaro [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lefigaro.fr>.

Библиографический список

Allan, Burridge 1991 – Allan K., Burridge K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. 263 p.

Allan, Burridge 2006 – Allan K., Burridge K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. DOI: 10.1017/CBO9780511617881.

Casas Gómez 2009 – Casas Gómez M. Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism // *Language Sciences*. 2009, 31.6, pp. 725–739. DOI: 10.1016/j.langsci.2009.05.001.

Fisher 1995 – Fisher S. Métamorphoses: Le cri, l'interpellation, l'injure // *Faits de Langue*, 1995, no. 6, pp. 143–152. DOI: 10.3406/flang.1995.1015.

François-Geiger 1991 – François-Geiger D. Panorama des argots contemporains // *Langue française*. 1991. № 90. *Parlures argotiques*, pp. 5–9. DOI: 10.3406/lfr.1991.6190.

- Green 1998 – *Green J.* The Cassell Dictionary of Slang. L.: Cassell, 1998. 1316 p.
- Greenough, Kittredge 1961 – *Greenough J.B., Kittredge G.L.* Words and their ways in English speech. New York: Macmillan, 1961. 431 p. URL: <https://archive.org/details/wordsandtheirwa06kittgoog>.
- Lagorgette 2002 – *Lagorgette D.* Les axiologiques négatifs sont-ils une classe lexicale? // *Représentations du Sens Linguistique*. 2002, pp. 121–136.
- Lagorgette 2012 – *Lagorgette D.* Insulte, injure et diffamation: de la linguistique au code pénal? // *Argumentation et Analyse du Discours* [En ligne], 8, 2012. URL: <https://journals.openedition.org/aad/1312>.
- Larochelle 2007 – *Larochelle M.-H.* Invectives et violences verbales dans le discours littéraire // Presses Université Laval. 2007, 234 p.
- Partridge 1933 – *Partridge E.* Slang To-Day and Yesterday. L.: Routledge and Kegan Paul LTD. 1933. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.58766>.
- Perea 2011 – *Perea F.* Les gros mots, paradoxes entre subversion et intégration // La lettre de l'enfance et de l'adolescence. 2011. 83–84 (1), pp. 53–60. DOI: 10.3917/lett.083.0053.
- Schmitt 1995 – *Schmitt J.-L.* Les Images de l'Invective // *L'Invective au Moyen Age: France, Espagne, Italie: actes du colloque «L'invective au Moyen Age», Paris, 4–6 février 1993*. Presses Sorbonne Nouvelle, 1995, 272 p.
- Sourdot 1991 – *Sourdot M.* Argot, jargon, jargot // *Langue française*, 1991, no. 90, pp. 13–27. DOI: 10.3406/lfr.1991.6192.
- Амосова 1951 – *Амосова Н.Н.* К проблеме языковых стилей в английском языке // Вестник Ленинградского ун-та, 1951. № 5. С. 32–44.
- Арнольд 1986 – *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. школа, 1986. 295 с. URL: https://www.academia.edu/22052961/%D0%90%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B4_%D0%98%D0%92_%D0%9B%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0.
- Бойко 2005 – *Бойко Т.В.* Эвфемия и дисфемия в газетном тексте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 206 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/176793/d/#?page=1>.
- Бушуева 2005 – *Бушуева Т.С.* Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2005. 176 с. URL: <https://www.disscat.com/content/pragmaticeskii-aspekt-evfemizmov-i-disfemizmov-v-sovremennom-angliiskom-yazyke>.
- Гаевая, Никитина 2017 – *Гаевая А.А., Никитина А.Х.* Изучение дисфемии в аспекте преподавания русского языка как иностранного // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2017. №. 3 (7). С. 13–18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30054471>.
- Гальперин 1958 – *Гальперин И.П.* Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 462 с. URL: <https://studfile.net/preview/5080829>.
- Дмитриенко 2007 – *Дмитриенко Г.В.* Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007. 166 с. URL: <https://www.disscat.com/content/verbalnaya-invektivav-angloyazychnom-leksicheskom-substandarte>.
- Егошина 2013 – *Егошина Н.Б.* Сленг в СМИ: лексикографический аспект: на материале одноязычных и двуязычных словарей: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2013. 244 с. URL: <https://www.disscat.com/content/sleng-v-smi-leksikograficheskii-aspekt>.
- Жельвис 2001 – *Жельвис В.И.* Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с. URL: <http://padaread.com/?book=19822&pg=1>.
- Касарес 1958 – *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию / Х. Касарес; пер. с исп. Н.Д. Арутюновой; ред., пред. и прим. Г.В. Степанова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 355 с.
- Катенева 2013 – *Катенева И.Г.* Намеренная дисфемизация текстов как характеристика коммуникативной политики современной оппозиционной прессы // Вестник ЧелГУ. 2013. № 21 (312). С. 269–276. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/14689047> (дата обращения: 04.05.2019).
- Кацев 1991 – *Кацев А.М.* Эвфемизмы и просторечия. Семантический аспект // Актуальные проблемы семасиологии. Л.: Наука, 1991. 237 с.
- Кваскова 2016 – *Кваскова Л.В.* Дисфемизация речи как коммуникативная тактика в дискурсе // Преподаватель XXI век. 2016. № 2. С. 352–357. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/disfemizatsiya-rechi-kak-kommunikativnaya-taktika-v-diskurse> (дата обращения: 07.06.2019).
- Киселева 2015 – *Киселева С.А.* Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе: структурно-семантический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 240 с. URL: <https://www.disscat.com/content/funktsionirovanie-evfemizmov-v-sovremennom-angliiskom-voenno-politicheskom-diskurse-struktur>.
- Коровушкин 2005 – *Коровушкин В.П.* Основы контрастивной социолектологии: дис. ... д-ра. филол. наук. Пятигорск, 2005. 646 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/184421/d/#?page=1>.
- Ломтева 2005 – *Ломтева Т.А.* Нестандартная лексика в коммуникативно-прагматическом аспекте: на материале языка романов С. Кинга: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 210 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/130670/d/#?page=1>.
- Маковский 1982 – *Маковский М.М.* Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). М.: Высшая школа, 1982. 135 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/1102457/084e76>.
- Мосиевич 2009 – *Мосиевич Л.* Дисфемизмы и языковая картина мира // Наукові записки [Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володиимира Винниченка]. Сер.: Філологічні науки. 2009. Вип. 81 (3). С. 358–362. URL: [http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LIN&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&S21P03=FILA=&S21STR=Nzs_2009_81\(3\)_88](http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LIN&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&S21P03=FILA=&S21STR=Nzs_2009_81(3)_88) (дата обращения: 11.05.2019).
- Нелюбин 2003 – *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с. URL: http://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/JOB/LingvoDSL/nelyubin_1_1_tolkovyyu_perevodovedcheskiy_slovar.pdf.
- Пономарева, Шабалина 2013 – *Пономарева О.Б., Шабалина Н.Ю.* Субстандартная семантическая

деривация: когнитивно-коммуникативный аспект: учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2013. 278 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20058453>.

Резанова 2008 – Резанова А.В. Дисфемия в английском языке: семантические механизмы и прагматические функции: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 179 с. URL: <https://www.disserscat.com/content/disfemiya-v-angliiskom-yazyke-semanticheskie-mekhanizmy-i-pragmaticheskie-funktsii>.

Синицына 2013 – Синицына Н.В. Соматические номинации в субстандартной фразеологии английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Пенза: Пенз. гос. лингвист. ун-т, 2013. 205 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/376517/d/?#?page=1>.

Хомяков 1980 – Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1980. 39 с.

Швейцер 1983 – Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983. 216 с. URL: <https://www.freepapers.ru/3/socialnaya-differenciatsiya-anglijskogo-yazyka-v/193691.1163880.list1.html>.

Шейгал 2000 – Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с. URL: <https://www.disserscat.com/content/semiotika-politicheskogo-diskursa>.

Шишова 2014 – Шишова Е.В. Определение термина дисфемизм в лингвистических терминологических словарях, справочниках и энциклопедиях // Филология и культура. 2014. № 2 (36). С. 73–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21948856>.

References

Allan, Burridge 1991 – Allan K., Burridge K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991, 263 p. [in English].

Allan, Burridge 2006 – Allan K., Burridge K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. DOI: 10.1017/CBO9780511617881 [in English].

Casas Gómez 2009 – Casas Gómez M. Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism. *Language Sciences*, 2009, 31.6, pp. 725–739. DOI: 10.1016/j.langsci.2009.05.001 [in English].

Fisher 1995 – Fisher S. Métamorphoses: Le cri, l'interpellation, l'injure. *Faits de Langue*. 1995, 6, pp. 143–152. DOI: 10.3406/flang.1995.1015 [in French].

François-Geiger 1991 – François-Geiger D. Panorama des argots contemporains. *Langue française*, 1991, no. 90, Parlures argotiques, pp. 5–9. DOI: 10.3406/lfr.1991.6190 [in French].

Green 1998 – Green J. The Cassell Dictionary of Slang. L.: Cassell, 1998, 1316 p. [in English].

Greenough, Kittredge 1961 – Greenough J.B., Kittredge G.L. Words and their ways in English. New York: Macmillan, 1961, 431 p. Available at: <https://archive.org/details/wordsandtheirwa06kittgoog> [in English].

Lagorgette 2002 – Lagorgette D. Les axiologiques négatifs sont-ils une classe lexicale? In: *Représentations du Sens Linguistique*, 2002, pp. 121–136 [in French].

Lagorgette 2012 – Lagorgette D. Insulte, injure et diffamation: de la linguistique au code pénal? *Argumentation*

et Analyse du Discours [En ligne], 2012, no. 8. Available at: <https://journals.openedition.org/aad/1312> [in French].

Larochelle 2007 – Larochelle M.-H. Injures et violences verbales dans le discours littéraire. Presses Université Laval, 2007, 234 p. [in French].

Partridge 1933 – Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. L.: Routledge and Kegan Paul LTD, 1933. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.58766> [in English].

Perea 2011 – Perea F. Les gros mots, paradoxes entre subversion et intégration. *La lettre de l'enfance et de l'adolescence*, 2011, 83–84 (1), pp. 53–60. DOI: 10.3917/lett.083.0053 [in French].

Schmitt 1995 – Schmitt J.-L. Les Images de l'Injures. In: *L'Injures au Moyen Age: France, Espagne, Italie: actes du colloque «L'Injures au Moyen Age», Paris, 4–6 février 1993*. Presses Sorbonne Nouvelle, 1995, 272 p. [in French].

Sourdout 1991 – Sourdout M. Argot, jargon, jargon. *Langue française*, no. 90, Parlures argotiques, pp. 13–27. DOI: 10.3406/lfr.1991.6192 [in French].

Amosova 1951 – Amosova N.N. K probleme yazykovykh stilei v angliiskom yazyke [On the Problem of Language Styles in English Language]. *Vestnik Leningradskogo un-ta* [Vestnik of Leningrad University], 1951, no. 5, pp. 32–44 [in Russian].

Arnold 1986 – Arnold I.V. *Leksikologiya sovremennogo angliiskogo yazyka: ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz.* [Lexicology of Modern English Language: textbook for institutes and Foreign Language Faculties]. M.: Vysshaya shkola, 1986, 295 p. Available at: <https://www.academia.edu/22052961/%D0%90%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B4%D0%98%D0%92.%D0%9B%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0> [in Russian].

Bojko 2005 – Bojko T.V. *Evfemiya i disfemiya v gazetnom tekste: dis. ... kand. filol. nauk* [Euphemisms and dysphemisms in newspaper texts: Candidate's of Philological Sciences thesis]. SPb., 2005, 206 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/176793/d/?#?page=1> [in Russian].

Bushueva 2005 – Bushueva T.S. *Pragmaticheskii aspekt evfemizmov i disfemizmov v sovremennom angliiskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Pragmatic Aspect of Euphemisms and Dysphemisms in Modern English: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Smolensk, 2005, 176 p. Available at: <https://www.disserscat.com/content/pragmaticheskii-aspekt-evfemizmov-i-disfemizmov-v-sovremennom-angliiskom-yazyke> [in Russian].

Gaevaya, Nikitina 2017 – Gaevaya A.A., Nikitina A.Kh. *Izuchenie disfemii v aspekte prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Studying dysphemism in the aspect of teaching Russian as a foreign language]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Issues of theory and practice], no. 3 (7), pp. 13–18. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30054471> [in Russian].

Galperin 1958 – Galperin I.R. *Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka* [Essays on English stylistics]. M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1958, 462 p. Available at: <https://studfile.net/preview/5080829> [in Russian].

Dmitrienko 2007 – Dmitrienko G.V. *Verbal'naya invektivna v angloyazychnom leksicheskom substandarte: dis. ...*

- kand. filol. nauk [Verbal Invective in English Substandard: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Pyatigorsk, 2007, 166 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/verbalnaya-invektiva-v-angloyazychnom-leksicheskom-substandarte> [in Russian].
- Egoshina 2013 – *Egoshina N.B. Sleng v SMI: leksikograficheskii aspekt: na materiale odnoyazychnykh i dvuyazychnykh slovarei: dis. ... kand. filol. nauk* [Slang in mass media: lexicographical aspect: evidence from explanatory and bilingual dictionaries: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Yaroslavl: Yaroslavskii gos. ped. un-t im. K.D. Ushinskogo, 2013, 244 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sleng-v-smi-leksikograficheskii-aspekt> [in Russian].
- Zhel'vis 2001 – *Zhel'vis V.I. Pole brani: skvernoslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [Field of bad language: ribaldry as a social problem in languages and cultures of the world]. M.: Ladomir, 2001, 349 p. Available at: <http://padaread.com/?book=19822&pg=1> [in Russian].
- Casares 1958 – *Casares J. Vvedenie v sovremennuyu leksikografiyu. Kh. Kasares; perevod s ispanskogo N.D. Arutyunovoi, redaktsiya, predislovie i primechaniya G.V. Stepanova* [Introduction to the Modern Lexicology. Translation from Spanish by N.D. Arutyunova, editing, preface and notes by G.V. Stepanov]. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1958, 355 p. [in Russian].
- Kateneva 2013 – *Kateneva I.G. Namerennaya disfemizatsiya tekstov kak kharakteristika kommunikativnoi politiki sovremennoi oppozitsionnoi pressy* [Intended Concentration of Dysphemisms in Texts of Oppositional Newspapers]. *Vestnik ChelGU* [CSU Bulletin], 2013, no. 21 (312), pp. 269–276. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/14689047> (accessed 04.05.2019) [in Russian].
- Katsev 1991 – *Katsev A.M. Evfemizmy i prostorechiya. Semanticheskii aspekt* [Euphemisms and popular speech. Semantical aspect]. In: *Aktual'nye problemy semasiologii* [Topical issues of semasiology]. L.: Nauka, 1991, 237 p. [in Russian].
- Kvaskova 2016 – *Kvaskova L.V. Disfemizatsiya rechi kak kommunikativnaya taktika v diskurse* [Dysphemisation of the speech as communicative tactics in discourse]. *Prepodavatel' XXI vek* [Prepodavatel XXI vek], 2016, no. 2, pp. 352–357. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/disfemizatsiya-rechi-kak-kommunikativnaya-taktika-v-diskurse> (accessed 07.06.2019) [in Russian].
- Kiseleva 2015 – *Kiseleva S.A. Funktsionirovanie evfemizmov v sovremenном angliiskom voenno-politicheskom diskurse: strukturno-semanticheskii i pragmaticheskii aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [Functioning of euphemisms in modern English military and political discourse: structural semantic and pragmatic aspects: Candidate's of Philological Sciences thesis]. M., 2015, 240 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/funktsionirovanie-evfemizmov-v-sovremenном-angliiskom-voenno-politicheskom-diskurse-struktur> [in Russian].
- Korovushkin 2005 – *Korovushkin V.P. Osnovy kontrastivnoi sotsiolektologii: dis. ... d-ra. filol. nauk* [Foundations of contrastive sociolectology: Doctoral of Philological Sciences thesis]. Pyatigorsk, 2005, 646 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/184421/d/?#?page=1> [in Russian].
- Lomteva 2005 – *Lomteva T.A. Nestandartnaya leksika v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte: na materiale yazyka romanov S. Kinga: dis. ... kand. filol. nauk* [Substandard vocabulary in communicative and pragmatic aspect: on the material of language of S. King's novels: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Stavropol, 2005, 210 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/130670/d/?#?page=1> [in Russian].
- Makovskii 1982 – *Makovskii M.M. Angliiskie sotsial'nye dialekty (ontologiya, struktura, etimologiya)* [English social dialects (ontology, structure, etymology)]. M.: Vysshaya shkola, 1982, 135 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/1102457/084e76> [in Russian].
- Mosievich 2009 – *Mosievich L. Disfemizmy i yazykovaya kartina mira* [Dysphemisms and World Image]. *Naukovi zapiski [Kirovograds'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Volodimira Vinnichenka]. Ser.: Filologichni nauki*, 2009, Vol. 81 (3), pp. 358–362. Available at: [http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis-nbuv/cgiirbis.64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&S21P03=FILA=&S21STR=Nzs_2009_81\(3\)_88](http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis-nbuv/cgiirbis.64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&S21P03=FILA=&S21STR=Nzs_2009_81(3)_88) (accessed 11.05.2019) [in Russian].
- Nelyubin 2003 – *Nelyubin L.L. Tolkovyi perevodovedcheskii slovar'* [Explanatory Dictionary on Translation]. M.: Flinta: Nauka, 2003, 320 p. Available at: http://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/JOB/LingvoDSL/nelyubin_1_1_tolkovyy_perevodovedcheskiy_slovar.pdf [in Russian].
- Ponomareva, Shabalina 2013 – *Ponomareva O.B., Shabalina N.Yu. Substandartnaya semanticheskaya derivatsiya: kognitivno-kommunikativnyi aspekt: uchebnoe posobie* [Substandard semantic derivation: cognitive communicative aspect: textbook]. Tyumen: Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, 278 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20058453> [in Russian].
- Rezanova 2008 – *Rezanova A.V. Disfemiya v angliiskom yazyke: semanticheskie mekhanizmy i pragmaticheskie funktsii: dis. ... kand. filol. nauk* [Dysphemism in English: semantic mechanisms and pragmatic functions: Candidate's of Philological Sciences thesis]. SPb., 2008, 179 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/disfemiya-v-angliiskom-yazyke-semanticheskie-mekhanizmy-i-pragmaticheskie-funktsii> [in Russian].
- Sinitsyna 2013 – *Sinitsyna N.V. Somaticheskie nominatsii v substandartnoi frazeologii angliiskogo i russkogo yazykov: dis. ... kand. filol. nauk* [Somatic nominations in substandard phraseology in English and Russian: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Pyatigorsk: Pyatigor. gos. lingvist. un-t, 2013, 205 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/376517/d/?#?page=1> [in Russian].
- Khomyakov 1980 – *Khomyakov V.A. Nestandartnaya leksika v strukture angliiskogo yazyka natsional'nogo perioda: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Substandard vocabulary in the structure of English language of the national period: author's abstract of Doctoral of Philological Sciences thesis]. L., 1980, 39 p. [in Russian].
- Shveitser 1983 – *Shveitser A.D. Sotsial'naya differentsiatsiya angliiskogo yazyka v SShA* [Social differentiation of English in the USA]. M.: Nauka, 1983, 216 p. Available at: <https://www.freepapers.ru/3/socialnaya-differenciatsiya-angliiskogo-yazyka-v/193691.1163880.list1.html> [in Russian].
- Sheigal 2000 – *Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk* [Semiotics of Political Discourse: Doctoral of Philological Sciences thesis]. Volgograd, 2000, 431 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/semiotika-politicheskogo-diskursa> [in Russian].
- Shishova 2014 – *Shishova E.V. Opredelenie termina disfemizm v lingvisticheskikh terminologicheskikh slovaryakh, spravochnikakh i entsiklopediyakh* [The interpretation of dysphemism according to linguistic terminological dictionaries, reference books, and encyclopedias]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2014, no. 2 (36), pp. 73–79. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21948856> [in Russian].